

ЮНГЕР (Junger) Эрнст (1895—1998) — немецкий мыслитель и философ. Участник Первой (14 ранений, высшая прусская награда «За заслуги» в 1918) и Второй (офицер вермахта в Париже, заслуживший репутацию «культурного атташе» Германии) мировых войн. Изучал философию и зоологию в Лейпциге и Неаполе (1923—1926).

Совместно с Элиаде издавал журнал «Antaios» (1959—1971). Лауреат премии имени Гёте (1982). Патриот Германии и оппонент национал-социализма. Культовая фигура многих западноевропейских интеллектуалов и политиков 20 в. — вне зависимости от их политических ориентации (Хайдеггер, Г. Коль, А. Жид, маршал Ф. Фош, П. Пикассо, Ф. Миттеран, Ж.-М. Ле Пен, И. Бехер, А. Гитлер и др.).

Основные сочинения: «Стальные грозы» (1920), «Тотальная мобилизация» (1930), «Рабочий. Власть и персонаж» (1932), «О боли» (1934), «На мраморных утесах» (1939), «Хвала звуку» или «Секреты речи» (1941), «Излучения» (1944), «Речь и телосложение» (1947), «За чертой» (1950), «Гордиев узел» (1953), «У временной стены» (1959), «Типаж, имя, действующее лицо» (1963), «Заметки к «Рабочему»» (1964) и др. В 1978—1983 в ФРГ были изданы сочинения Ю. в 18 томах.

Испытал существенное влияние взглядов Ницше и Шпенглера. Сторонник миропонимания «философии жизни». В русле этих интеллектуальных традиций Ю. сумел продемонстрировать высокую эффективность замены традиционалистских философских категорий мифологизированными образами действительности и в середине — второй половине 20 ст. (Ю. дополняет традиционный терминологический строй «философии жизни» такими понятиями, как «кровь», «огонь», «ужас», «боль» и т.п., являющими собой, по его мнению, продолжение категориального ряда, сопряженного с античным Эросом. Так, у Ю. «боль принадлежит к числу тех ключей, которыми можно открыть не только самое сокровенное, но в то же время и мир». При чувстве боли мир актуализируется как нечто несущее угрозу. Скука суть «разрешение боли во времени».) Основные проблемы философского творчества Ю. — «диагностика эпохи»: связь человека и космоса, соотношение жизни и смерти, оппозиция мира и войны. Целостную совокупность исходных, первичных жизненных сил, воплощающих в себе нерасторжимую связь индивида с родом, Ю. трактовал как основу одушевленной телесности любого человеческого организма. Выступая как неотъемлемая часть природы, человек, согласно Ю., переживает изначальную глубину мироздания вне границ непосредственного опыта посредством таких эмоций, как: а) мир сновидений; б) ощущения страха и ужаса, минимизирующие дистанцию между

личностью и предожиданием смерти; в) экстаз упоения жизнью на фундаменте крови и неизбежная гибель уходящих поколений. По мысли Ю., существуют позиции, дающие человеку возможность отграничивать себя от тех сфер, где боль и муки располагают неограниченной властью. Достижение этих позиций — дистанцирование от собственной телесности и трансформация своего тела в объект — осуществимо, согласно Ю., посредством техник аскезы и самодисциплины. Человек, по Ю., неизбежно зависит от тотемических, магических, технических и иных внешних, чуждых ему сил. Современное индустриальное государство, по Ю., предельно технизировано: индивид лишен каких-либо осмысленных представлений о ценностях жизни — культ техники выступает и как «высокая» метафизика, и как повседневная этика, полностью подавляющие его самость. («Кто сказал, — восклицает Ю., — что мировой дух ярче проявляет себя в осознанных, чем неосознанных действиях?») Мировые войны 20 ст., по мнению Ю., могут быть интерпретированы как один из факторов всеевропейского «гигантского индустриального процесса», как ипостась «воли к власти» (у Ю. — «воли к всевластию», «цели всех целей» — der

Wille zur Allmacht), результирующей в массовом жертвенном самоотречении людей. Пафос героики в данном случае отсутствует: человек реализует собственную предназначенность как придатка технических механизмов. (По версии Ю., «воля к власти» обретает значение в условиях «определенного жизненного состояния» как конкретная «субстациональная власть» и как «сфера права»; осуществима же «воля к власти» лишь в рамках ранжированного бытия, которому она и служит.)

Тоталитарное государство в целях выживания, объективации своей абсолютной воли и сопряженной с ними геополитической экспансии вынуждено трансформировать идеи «общественного договора» и идеалы либерализма в глобальную модель перспективного «рабочего плана», в рамках которого стираются базисные социальные водоразделы социума и, в частности, каждый «рабочий» («работник») необходимо выступает и как «солдат». По Ю., «рабочий» как «гештальт» (в трактовке Ю. суть подлинно действительное, — принцип, определенным образом конституирующий жизнь) противопоставлен «буржуа», не способному к организации и господству. (Ю. характеризовал эту новую общественную ипостась так: «Мы привыкли платить по счету и никогда не теряем времени даром... В любую минуту может прозвучать приказ, и жаль каждую минуту, каждую каплю, которая не выпита, и каждое мгновение, которое будет упущено... Мы хотим пить, позволяя себе разбивать о стену горшки и радоваться тому, что мы призваны стать орудием жестокой воли, принадлежа к тем малым цифрам, которыми оплачивают счета... Мы хотим сделать праздник из нашей гибели, — праздник, в честь которого должен прозвучать опрокидывающий весь мир громовой, еще никогда не слыханный салют... Раскаленную ниву, ожидающую нас, не видел в своих мечтах ни один поэт.

Тут — железный ад, пустыня с огненными пальмовыми островами, грохочущие валы из огня и стали, через которые перекачиваются красные молнии; стая стальных птиц парит в облаках, закованные в броню машины фыркают, пробегая через поле. И все, что имеется в чувствах, от ужасной телесной боли до высокого торжества победы, — все сливается в шумном единстве в блестящий символ жизни. Песни, молитвы и ликование, проклятия и вино — чего еще нам желать?») В динамике как мирного, так и военного времени (согласно Ю., это в конечном счете взаимозаменяемые понятия) данный «рабочий план» может быть обозначен как состояние «тотальной мобилизации». (С точки зрения Ю., «... в глубине, за теми сферами, в которых диалектика целей войны получает свое значение, немец встречает одну из самых могущественных сил: он встречает самого себя.

Прошлая война была для него прежде всего средством осуществления самого себя. И отсюда должно быть начато новое вооружение, о котором мы заботимся, призывая немцев к мобилизации.

Ничего кроме «Рабочий» у Ю. — это не столько обобщенный термин для обозначения представителя определенного общественного класса, сколько категориальная словоформа для фиксации «подпочвенной субстанции» немецкой расы в ее скрытых потенциях и открытых действиях — для маркировки универсального типа человека. Последний являет собой естественный продукт эволюции техники, выступая носителем новаторского сознания, присущего 20 ст. Техника у Ю. — способ, посредством которого «мобилизует» мир гештальт Рабочего. В системе техники («органической конструкции» или включенности человека в мир машин) и выступает новый, принципиально альтернативный мир. Этот мир, с точки зрения Ю., «по определению» настолько радикален, что находится «по ту сторону» параметров «прогресса» или «упадка»; этот мир планетарен: такие общественно-политические формы, как национализм или социализм (центрирующиеся на особенном нации или класса) несоразмерны ему. По Ю., «наш век по праву носит название века рабочего... Работа — это ритм кулака, мысли и сердца, жизнь днем и ночью, наука, любовь, искусство, вера, культ, война; работа — это полет атома и сила, движущая звезды и солнечную систему». «Рабочий» был призван «порвать юридические пути буржуазного общества», «сделать собственное бытие масштабом истолкования мира» и, наконец, выбросить на свалку истории мировоззренческие утопии «нечистого духа» (и материализм, и идеализм), ибо, согласно Ю., «твердость мира преодолевается только твердостью, а не мировоззренческими фокусами». Значимость обретения абстрактной свободы для таких людей, по Ю., в пределе своем уступает активному участию в репертуарах героического служения Отчизне и безукоризненному выполнению своих функциональных обязанностей как граждан. (По мысли Ю., удел поколений, переживших войну, не может иметь аналогов: «И если поколение, которое столкнулось с этим, смогло бы оплатить вину, почву для которой взрыхлили другие, то оно, может быть, собрало бы в свой единственный и ужасный час в раскаленном чистилище такую добычу, которая позднее принесет свои

плоды и которая весит больше, чем все смерти и все страдания".) В эпоху второй половины 20 в., маркированной знамением термоядерной катастрофы и насущной необходимостью переоценки многих ценностей, Ю. призывал обратить пристальное внимание на уроки того прошлого, когда "труд и наука повернулись на службу смерти, меч защищал несправедливость, судья принижал право до оружия пиратов, учителя... разрушали в детях образ

Бога". Такие исторические времена Ю. оценивал как фазис нигилизма, когда "новые порядки уже значительно продвинулись вперед, а соответствующие этим порядкам ценности еще не видны" (ценность у Ю. противоплагается боли). Но в условиях новых реалий Ю. усматривает спасительные для человека нравственно-волевые основания не в "гештальте Рабочего", а в учении Достоевского о целительном потенциале боли. Фундаментом этих личных обретений могут служить, по мысли Ю., искусство и философия — элементы области "неупорядоченного" или "пустоши" (нем. Wildnis), принципиально ускользающие от тисков современной системы порядка. В разделе "Измеримое и время судьбы" (эссе "У временной стены") Ю. выдвигает версию о том, что астрологическое, вненаучное постижение мира может оказываться эффективнее его научного истолкования. В контексте задаваемой в этих рамках модели метаисторического деления времени Ю. формулирует схему "мировой истории" с присущей ей шкалой "гуманных членений" и разграничивает от "истории Земли" с ее "сидерическими членениями". По мысли Ю., анализирующего посредством "космической экономики" место и роль

НТР в судьбе человечества, принципиальное равновесие земной цивилизации ненарушимо техническим прогрессом. Речь должна идти не об экологической катастрофичности, а, скорее, о переменах качественно иного масштаба. Ю. стремился (дневниковые записи времен Второй мировой войны) тематизировать "сверхвременные константы" "праистории", схватывающую жизнь в ее вневременном измерении: "Все эти пять лет, что земля, на которой живет человек, дрожит и разверзается под нашими ногами, в нас просыпается сознание того, что мы стали объектом игры таких энергий, которые в миллионы раз превосходят возможности нашей индивидуальной свободы.

Для величайших реалистов становится все более очевидным, что нынешний кризис простирается далеко за пределы хозяйственных и политических факторов, которыми он будто бы был вызван и в рамках которых, как мы, возможно, себя убедили, он должен был оставаться". Философско-историческая концепция Ю. четко увязывает характер суждений, выносимых о настоящем, с одной стороны, и наличные модели исторического понимания — с другой. Предлагаемая модель истории Земли способна позволить, с точки зрения Ю., заслонить традиционное историческое мировосприятие "временной стеной" конца мировой истории. Результатом этого должно

явиться осмысление индивидами их отношения к космической «первооснове», откуда и черпаются постоянно обновляющиеся вселенские гештальты. Ю. был убежден в том, что каждый, кто в состоянии осознать и бороться за свою индивидуальную свободу, осознав ее ценность, способен выбрать для себя (пусть даже и в полном одиночестве и изоляции) так называемый «путь через лес» (эссе Ю. «Прогулка в лесу»). Человек, готовый в одиночку противостоять тоталитарному государству, — «человек, идущий через лес», — неизбежно, по Ю., обречен на обретение встречи с подлинным самим собой, восстанавливая свою изначальную духовно-телесную связь с родом, т.е. свое истинное наследие. Смерть — не угроза для человека, наконец обретшего себя. Согласно Ю., «с возрастом надо укреплять дружбу со смертью.., давая ей прорасти в тебе деревом, дающим тень».

А.А. Грицанов